

АНДРЕЙ ХРОМОВСКИХ

“НЕТ САПОГ У ЖУРАВЛЯ”

Поэзия для детей переживает не самые лучшие времена. Причин тому много. Одна из самых основных – это наше общество, на сломе эпох очень быстро подрастерявшее прекрасноту, доброту сердец, сделавшееся если не ожесточённым, то трудноотзывчивым, чрезмерно толстокожим. Коротко говоря, большинство членов нашего общества на неопределённое время утратили нравственный базис и подобающую ему надстройку – сапоги, которых нет у журавля, и шляпу. Для журавля это не беда, для нас же – бедствие, и непоправимое.

Поясню. Сочинение стихов для взрослой публики – занятие довольно простое, к тому же недостатка в поэтах “для взрослых” нет: их в любом городе едва ли не на каждом углу увидеть можно. Поэтов, пишущих для детей, мало катастрофически, поэт “для детей” – это настолько редкостный, штучный экземпляр, что его впору классифицировать как “национальное достояние”. Когда поэт адресует своё творчество читателю взрослому (или сравнительно взрослому), он решительно, а то и дерзко употребляет эзопов язык, аллегии, сложные метафоры и прочие выразительные средства; у него есть надежда, что его поэзию – или же, что чаще всего бывает, хитросплетение слов – если и не поймут, так хотя бы предположат, о чём в стихотворении или поэме вообще идёт речь. Технический арсенал поэта, пишущего для детей, крайне скуден: пожалуй, он принуждён использовать одну лишь рифму. Катахрезами, вроде “громокипящего кубка”, не отделаешься, и поэту приходится рисовать “картинку”, лепить образ, выстраивать действие, удовлетворяясь словами, понятными детям, то есть самыми что ни на есть простыми. Сочинить просто и вразумительно – трудно; сочинить, воспринимая мир глазами наивного ребёнка, с его лексической ограниченностью – трудно неимоверно. Здесь поэту, кроме таланта, потребуется нравственный базис и подобающая ему надстройка – ответственность: быть может, именно его творчество краеугольным камнем уляжется в сознание ребёнка, именно оно повлияет на формирование его личности.

Предлагаю рассмотреть и, по возможности, проанализировать творчество иркутской поэтессы Марии Артемьевой (Яковенко) на примере её книги “Нет сапог у журавля”.

Почему именно её творчество? Да потому, что Мария Игнатьевна как раз и представляет славную когорту поэтов, формирующих человека завтрашнего дня.

Вот первое стихотворение из книги – “Кошка Капочка”:

*Наша кошка Капочка
Потеряла тапочки.*

— Заходи-ка в дом скорей,
Свои лапки отогрей.
А мы с Данечкой пойдём,
Твои тапочки найдём.

Здесь далеко не всё незамысловато, как может показаться человеку взрослому. Ребёнок воспринимает, впитывает эти стихи иначе. Он слышит стихотворение и живо воспринимает и сюжет, и мастерски написанную “картинку”: зима, мороз; кошка Капочка потеряла тапочки, ей холодно. Но поэтика не ограничивается призывом к стороннему сочувствию к *братьям нашим меньшим*: говоря кошке “А мы с Данечкой пойдём, твои тапочки найдём”, она и незаметно подсказывает ребёнку решение, как помочь кошке, и мягко подталкивает его к *поступку*. И ребёнок понимает: сострадать — хорошо, но мало, надо ещё и действовать. Осознание необходимости *милосердия и поступка* преподается ребёнку ненавязчиво, а исподволь (я бы даже сказал — филигранно исподволь), и ребёнок не замечает жизненного урока как такового: он слышит стихи — и, сам того не подозревая, одновременно учится *доброте*.

Прочитаем стихотворение “Варежки”:

*Как у нашей Варечки
Потерялись варежки.
Варя долго их искала
Под столом, под одеялом,
Их нашла сестрёнка
В лапах у котёнка.*

Здесь мы видим сюжет из жизни, тоже вроде бы незатейливый, но стихи Марии Игнатьевны кажутся таковыми лишь на первый — поверхностный — взгляд. Читать их следует вдумчиво, строчку за строчкой — слой за слоем, познавая и слои, и прослойки — логические мостики.

Но вернёмся к сюжету. Он прост: потерялись варежки. Казалось бы, что здесь можно обыграть, показать особенно занимательно, да ещё и ребёнку? Потерялись — нашлись, — вот, пожалуй, и всё. И сюжет завершается вроде бы немудрёно: варежки нашлись “в лапах у котёнка”. И нашла их не Варя, а её сестра, которая в стихотворении показана штрихом. Но давайте рассмотрим два ключевых момента в стихотворении. Это сестрёнка и котёнок. Ребёнок слышит стихотворение и трансформирует словесное содержание в житейскую “картинку”: сестра нашла варежки в лапах у котёнка; и для его неискущённого ума всё просто и понятно, и вроде бы так и должно быть. Но если мы заглянем глубже в слои стихотворения, то увидим, что оно воздействует на ребёнка на подсознательном уровне, говоря ему: сестрёнка, котёнок — так и должно быть по причине того, что это — базовые, семейные ценности, это — объединительное, святое, потому должно быть именно так, и никак иначе. Ребёнок не может осознавать всю глубину посыла (сигнала, как принято сейчас говорить) стихотворения, но может его подсознание, а оно, будем надеяться, сделает правильные и нужные нашему обществу выводы. Конечно, мне могут возразить: мол, перехлестнул через край. Категорически не согласен! Ведь если бы варежки нашлись не в лапах у котёнка, а, скажем, под диваном, и самой Варей, а не её сестрой, то потерялся бы и сюжет, и живая “картинка”, и — самое главное — посыл, а само стихотворение, утратив поэзию, свалилось бы в рифмованную прозу.

Вот ещё пример поэтического посыла — стихотворение “Щенок на горных лыжах”:

*Решил покататься на лыжах щенок,
Но лыжи приладить на лапки не мог.*

*Подумав, решил он усесться в сапог,
Но хвостик застрял в сапоге поперёк.*

*На каждую лыжу поставил две лапы,
Но вдруг раскатился. Ну, что за растяпа!*

*Тут взвизгнул щенок от своей же смекалки —
В передние лапки взял лыжные палки,*

*А задними вмиг в сапогах очутился,
И с горочки смело он вниз покатился.*

Здесь посыл и урок доброты объединились в постулат: человеческий мир и мир животный сосуществуют настолько тесно, что, можно сказать, умещаются на одной ладони: мы — это они, они — это мы. Тем более Мария Игнатьевна в каждую строку стихотворения вставила ключевое слово, подтверждающее разумность щенка: “решил”, “подумав” и, особенно — “смекалка”. Если стихотворный щенок решает, думает, смекает, следовательно, и щенок во плоти, что живёт в квартире или бегаёт по двору, способен кататься на лыжах. Примерно так рассуждает ребёнок, потому “человеческое” поведение щенка его не удивляет, ведь он воспринимает его не как весьма относительно разумное существо (как мы, взрослые), а, безусловно, как равного себе, как друга, а друга не обижают, не предадут; и других щенков, как и кошек, и любую прочую живность нельзя обижать и предавать тоже. Это стихотворение — урок человечности, урок опозитизированный, навсегда запечатлеваемый сознанием.

Прочитаем совершенно умилительное стихотворение “Добрый волк”:

*Нынче волк совсем не злой —
Добрый стал и скромный.
Подыскал в лесу дупло
Белочке бездомной.
В гости к ёжику заходит,
Залатал лисе нору,
Страх на взрослых не наводит,
Очень любит детвору.*

Ведь это о нашем времени — противоречивом, бурном, буйном... Здесь в каждой строке, за каждой буквой хоронится подтекст, нами, современниками, разбираемый отчётливо, а вот будет ли он буквально понят нашими потомками — вопрос... Многие забудется, многое будет передёрнуто, преподнесено на потребу дня и под другим соусом — уж это как водится. Строки “белочке бездомной”, “залатал лисе нору” и “страх на взрослых не наводит” объясняют или поэтической причудой, или, мол, они написаны для рифмы, и какой-то смысловой нагрузки, мол, здесь и в помине нет. Белочка, мол, по определению не может быть бездомной; волк латает лисе нору — это не более чем поэтическая красивость; что же до страха, который волк “на взрослых не наводит”, так он его никогда, мол, и не наводил; да и вообще, мол, стихотворение как-то чересчур уж загиперболизировано, да и дело с концом. Но мы-то с вами не просто догадываемся, о каких таких далеко не поэтических волках идёт речь, а знаем о них, как знаем и то, что стихотворение повествует о не столь отдалённом будущем, в котором, будем надеяться, появятся именно такие — раскаявшиеся — волки. И Мария Игнатьевна заверяет не только детей, но и нас, взрослых: “Это время обязательно наступит!” Дети слушают стихотворение — и верят ему; я читаю — и тоже верю, и даже знаю, что так оно и будет.

А вот стихотворение “Белка” следует не просто выучить наизусть — оно должно быть в каждом доме, где есть дети.

*Белка вяжет, белка шьёт
И за шишки продаёт:*

*За две варежки — две шишки,
За пяток — сошьёт штанишки,*

*За сушёные грибочки —
Гладью вышьет пояпочки,*

*За плетёны туески —
Свяжет свитер и носки,*

*А ленивым и плутишкам
Отдаёт пустые шишки.*

Что тут скажешь... Ей-богу, хочется аплодировать стоя! Мария Игнатьевна ярко, образно, доступно и в то же время неназидательно передаёт детям непреложный закон жизни: даром ничего не бывает; любой труд должен быть оплачен; только заработанное идёт в дело, нетрудовые доходы так или иначе уйдут в никуда, и плутишки, сиречь – воришки – остаются с пустыми шишками. Это подлинно живое стихотворение может с успехом заменить десятки нуднейших и тоскливейших телепередач и педагогических опусов о несомненной пользе физического – и всякого другого – труда, потому с удовольствием рекомендую его для семейного прочтения.

“Корова Белянка” – ещё одно стихотворение из книги Марии Игнатьевны “Нет сапог у журавля”, – на мой взгляд, является одним из наиболее талантливых, добрых и светлых стихотворений, написанных на “деревенскую” тему.

*Корова Белянка мычит у окна,
Ей снилась душистого сена копна.
Хозяйку с ведром она ждёт не дожждётся,
И струйка молочная вот уже льётся.*

*Попьют молока и котята, и кошка,
Ждать будут Белянку опять у окошка.*

Стихотворение написано легко, символы использованы отчётливые, удобопонятные, и дети (даже и городские, хотя бы единожды побывавшие в деревне) воочию “видят” корову Белянку, слышат её протяжное нетерпеливое мычание, поскрипывание отворяемой калитки, тугой перезвон молочных струй, а на подоконнике “видят” кошку с котятами... Зримо, вкусно, пленительно – правда? Это стихотворение и сама книга “Нет сапог у журавля” – словно необыкновенное полотно, которое видишь каждый день, но, вглядевшись, с приятным удивлением находишь для себя всё новые и новые детали, оттенки и полутона, совершенно непостижимым образом не замеченные вчера.

Иркутск